

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ / RATINGS AND REVIEWS

Редактор рубрики *Г. Т. Гафурова* / Rubric editor *G. T. Gafurova*

Рецензия

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.904-912>

УДК 330.8:338:94(470+571)(048.83)

JEL: B24, N, P2, P26

Д. В. Мельник¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия*

«В начале было слово»: слова и дела советских экономистов в книге «Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР» под ред. П. А. Ореховского

Мельник Денис Валерьевич, кандидат экономических наук, доцент, НИУ
«Высшая школа экономики»

E-mail: dmelnik@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0350-7304>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-3652-2015>

Scopus AuthorID: 56573958000

eLIBRARY ID: SPIN-код: 9484-2976, AuthorID: 381940

Аннотация

Цель: оценка произведения «Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР» под ред. П. А. Ореховского (СПб.: Алетейя, 2022).

Методы: текстологический анализ, методологическая критика.

Результаты: в работе рассматривается коллективная монография сотрудников Института экономики Российской академии наук, посвященная истории советской экономической мысли 1950-х – пер. пол. 1980-х гг. Оригинальность рецензируемой работы состоит в методологическом подходе. Он предполагает анализ особенностей речевых практик и исходит из того, что их результатом стало формирование особой когнитивной структуры, цикл развития которой оказал решающее влияние и на политические процессы. Не относясь к учебной литературе, изложение ряда вопросов в работе может быть использовано в качестве вспомогательного материала в учебном процессе по истории советской экономики и экономической мысли. Вместе с тем работа содержит и ряд спорных положений. В целом она вносит важный вклад в потенциальную дискуссию о прошлом и настоящем отечественной экономической науки и о характере позднесоветских и постсоветских экономических и социальных изменений.

Научная новизна: новаторство работы состоит в последовательном применении к истории советской экономической науки подхода, предполагающего стирание четкой границы между субъектом и объектом экономических исследований. Оригинальность методологического подхода состоит в том, что в нем западный «постмодернизм» применяется для анализа такого уникального объекта, как советская экономическая наука.

Практическая значимость: работа может быть рекомендована широкому кругу специалистов, интересующихся рассматриваемой проблематикой.

© Мельник Д. В., 2023

Ключевые слова:

экономическая теория, СССР, советская экономическая мысль, политическая экономия социализма, экономическая история СССР

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Мельник, Д. В. «В начале было слово»: слова и дела советских экономистов в книге «Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР» под ред. П. А. Ореховского. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 904–912, <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.904-912>

Review

D. V. Melnik¹

¹ Higher School of Economics, Moscow, Russia

“In the beginning was the Word”: words and deeds of Soviet economists in the book “Cognitive structures and political economy of socialism in the USSR”, ed. by P. A. Orekhovskii

Denis V. Melnik, Candidate of Economic Sciences, Higher School of Economics
E-mail: dmelnik@hse.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0350-7304>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-3652-2015>
Scopus AuthorID: 56573958000
eLIBRARY ID: SPIN-код: 9484-2976, AuthorID: 381940

Abstract

Objective: to evaluate the work “Cognitive structures and political economy of socialism in the USSR”, ed. by P. A. Orekhovskii (St. Petersburg: Aleteya, 2022).

Methods: textual analysis, methodological criticism.

Results: the paper reviews a collective monograph by the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences devoted to the history of Soviet economic thought in the 1950s – first half of the 1980s. The novelty of the reviewed work consists in the methodological approach. It involves analyzing the peculiarities of speech practices and assumes that their result was the formation of a special cognitive structure, which development cycle had a decisive influence on political processes. Not being a tutorial, the work can be used as auxiliary educational material on the history of Soviet economy and economic thought. At the same time, the work contains a number of controversial points. In general, it presents an important contribution to a potential discussion of the past and present of the Russian economic science and the nature of late-Soviet and post-Soviet economic and social changes.

Scientific novelty: the innovation of the work consists in the consistent application of the approach to the history of Soviet economic science, which implies blurring of a clear boundary between the subject and object of economic research. The originality of the methodological approach consists in the fact that it applies Western “postmodernism” to analyze such a unique object as the Soviet economic science.

Practical significance: the work can be recommended to a wide range of specialists interested in the problems under consideration.

Keywords:

economics, USSR, Soviet economic thought, political economy of socialism, economic history of the USSR

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Melnik, D. V. (2023). “In the beginning was the Word”: words and deeds of Soviet economists in the book “Cognitive structures and political economy of socialism in the USSR”, ed. by P. A. Orekhovskii. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(4), 904–912. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.3.904-912>

Вероятно, самым значимым трендом в области исследований по интеллектуальной истории последних десятилетий стал постмодернизм. Вне зависимости от многочисленных разночтений в определении под ним можно понимать признание включенности субъекта знания (ученого) в процесс исследования в качестве агента, не только исследующего, но и конструирующего познаваемый объект. Еще одним значимым постмодернистским элементом является предпосылка о том, что конечным продуктом труда ученых является не приближение человеческого познания к абсолютному (метафизическому) идеалу, не установление истины (приближение к позитивистскому идеалу), не проверка гипотез (приближение к идеалу постпозитивистскому), а слова. Слова слагаются в нарративы, нарративы воплощаются в представления и политики, конструируя таким образом социальное восприятие мира, а по существу – сам социальный мир.

Постмодернизм не прошел незамеченным в отечественной интеллектуальной истории, но нельзя сказать, что оставил в ней глубокий след. Это вполне относится к области истории экономической мысли. Все его влияние здесь сводится к ставшим за последние десятилетия ритуальными отсылкам к святой постмодернистской троице Кун – Лакатос – Фейерабенд (Kuhn, 1962, 1970; Lakatos, 2014; Lakatos & Feyerabend, 1999) и примкнувшей к ним МакКлоски (McCloskey, 2001, 1983). Вопрос о том, насколько уместно относить указанных авторов к единой постмодернистской традиции вполне можно вынести за скобки, потому что особых изменений ссылки на них в устоявшийся историко-экономический канон не вносят. Он сложился в советский период из двух равнозначных элементов: обоснования правильности марксистско-ленинского учения как естественного порождения всего хода отечественной экономической мысли; критики (реферативных обзоров) буржуазных экономических теорий. Первый элемент трансформировался в поиски национальных корней («души») отечественного экономического знания, второй – в истории западной экономической науки.

Несмотря на времена возгорающийся, временами затухающий конфликт западников (либералов) и почвенников, эти элементы и по сей день мирно соседствуют в постсоветских учебниках в той или иной пропорции. При этом спрос на учебную литературу по истории экономической мысли неуклонно снижается в связи с повсеместным сокращением или полным исчезновением соответствующих курсов. Но вне этой области он и вовсе стремится на отечественном рынке идей к минимуму. Попытки обобщающих исследований тенденций развития отечественной экономической науки за сколь-нибудь продолжительный период времени чаще всего сводятся к глянцевым описаниям истории различных «школ» в юбилейных изданиях отдельных институций и агиографическим жизнеописаниям отдельных персоналий. Вопрос же о соотношении трендов развития отечественной и зарубежной (западной) экономической науки либо не ставится вовсе, либо по преимуществу сводится к упрощенной дихотомии «отставание/приоритет».

Пожалуй, самым значимым изменением в отечественных исследованиях по интеллектуальной истории последних десятилетий можно считать становление социальной истории науки, но именно экономическая наука попадает здесь в фокус специальных исследований относительно нечасто.

Рассматриваемое издание можно считать, пользуясь ставшим расхожим термином, «пионерным». В этой книге произведенные советскими экономистами слова рассматриваются всерьез.

Для тех, кому это не кажется приговором, книга, безусловно, представляет значительный интерес. Это, разумеется, не означает, что представленный в ней подход, равно как и отдельные высказанные положения, является бесспорным.

Важнейшим недостатком книги с точки зрения ее восприятия выступает способ изложения, который явно не соответствует способу исследования. Значительная часть текста монографии состоит из опубликованных ранее статей. И причиной тому, как можно предположить, является современная наукометрическая регулято-

рика. Также вполне понятно и то, что четыре автора (к сожалению, за короткий период после выхода книги неумолимый ход времени унес двух из них: Рустема Махмутовича Нуреева и Ольгу Борисовну Кошовец) могли существенно отличаться в своих подходах. Отсюда неизбежна калейдоскопичность в подаче материала. Лишь усилия редактора фокусируют материал и внимание читателя на том, что различные описанные исторические сюжеты доказывают базовое, нетривиальное положение работы: слова советских экономистов влияли на советскую экономику и в конечном итоге разрушили ее. Однако это не отменяет проблем с целостным восприятием материала. Книга требует внимательного и заинтересованного читателя. Такой читатель, несомненно, оценит предложенный в ней новаторский подход.

Здесь сразу следует заметить в порядке критики уже не способа изложения, а способа исследования. Указание на то, что базовым исследовательским продуктом в общественных исследованиях являются слова, и слова эти говорятся не случайно и определяются не только лишь собственно поставленными исследовательскими задачами и используемой методологией, не является новаторским само по себе. Достаточно вспомнить в связи с этим хотя бы Маркса.

Действительно, значительную часть исследовательских усилий составляют попытки «разговорить» (в лучшем случае) или «заговорить» реальность. Это есть часть реальности академической жизни. Но можно ли отрицать, что слова экономистов, как и других профессиональных исследователей, подчиняются логике теоретического знания, а не только грамматике устоявшегося дискурса? И можно ли отрицать реальность иных структур взаимодействия людей вне этого сообщества и помимо принятых в нем практик коммуникации? В частности, имеет смысл не забывать о реальности экономики (хозяйства) как устойчивой системы взаимодействий людей на базе имеющихся производственных возможностей – существующей вне и помимо того, что о ней говорят и думают экономисты, равно как и сами «экономические агенты». Возможно, эти вопросы можно считать данью «ретроградному» марксизму. Но разве само изложение в книге не выходит постоянно за рамки герменевтики экономического знания в области политической, экономической, социальной ситуации советского общества различных периодов?

Вполне очевидно, что получаемая негерметичная конструкция не случайна: ядро авторского замысла, видения, или же, пользуясь респектабельным новоязом, поставленная исследовательская гипотеза, состоит как раз в том, что слова советских экономистов не просто создавали определенную картину реальности. Они изменяли саму реальность советской экономики и общества, разрушив эту последнюю в конечном итоге. Поэтому переиначенное утверждение о том, что «во всем был виноват М. А. Суслов» (Ореховский, 2022, р. 344), кажется не таким уж шуточным.

Рассуждения о границах между субъектом и объектом заставляют взглянуть и на предмет интеллектуальной истории по-новому. Постмодернизм, отрицая, по существу, само понятие объективности, представляет из себя верх субъективизма. Процесс познания реальности (прошлой или настоящей) с необходимостью становится процессом ее переопределения. Поэтому и фокус внимания переносится с сохранения или понимания интеллектуальных конструктов (прошлых или настоящих), обладавших воспроизводимостью в рамках «школ мысли» или «теоретических направлений» на реконструкцию образа мысли и способов ее выражения. Гипотетически (Ореховский, 2022, pp. 13–14) паттерны мышления и говорения (когнитивные структуры) обладают социальностью: каким-то образом они преодолевают рамки индивидуального сознания. Каким?

Ответ на этот вопрос может, например, исходить из предпосылки об «объективности» реальности (в данном случае объективности теоретических представлений и размышлений, обладающих повторяемостью и воспроизводимостью на надиндивидуальном уровне). Но такой возможный подход относится в рецензируемой работе то к «позитивизму» в том или ином его изводе, то к «диалектическому материализму». Напротив, заявленная собственная исследовательская программа авторского коллектива сводится к формуле: «Сознание определяет бытие». В переиначенном оригинале, как известно, фигурировало «общественное бытие». Прекрасно известно это и авторам: «На уровне общества, по-видимому, когнитивность совпадает с “общественным сознанием”, однако само наличие общества, как и его рациональности, требует дополнительных обоснований и также выходит за рамки предмета исследования нашей работы» (Ореховский, 2022, р. 13). Выход на риторическом уровне мастерский. Но есть один нюанс. Постулирование объективности «общественного бытия» марксистами давало прекрасный повод для обвинения их хоть в позитивизме, хоть в метафизике. Однако отбрасывание определения «общественное» в исходной формуле примитивизирует исходную мысль, но не лишает ее цельности: условия реальности производят представления о ней людей. А вот при перестановке

слагаемых возникают вопросы к получаемой сумме. В частности, какое сознание определяет бытие: общественное или индивидуальное? Ответ на страницах книги здесь, казалось бы, однозначен: общественное, коль скоро там постулируется наличие очевидно надындивидуальной «когнитивной структуры». Но тогда и о сущности сознания коллективного субъекта, профессионального сообщества экономистов, о том, есть ли оно вне и помимо профессиональных шуток и профессиональной этики, хотелось бы узнать больше того, что «науке это доподлинно неизвестно». Хотя бы вот по какой причине: в марксистской формуле, как к ней ни относиться, два члена стоят в четко установленной зависимости, где реальность человека в обществе определяет представления человека об этой реальности и поэтому производит человека в определенной социальной (классовой) роли. В переименованной же формуле размытость причины тянет за собой и нечеткость следствия: а о каком бытии идет речь? Иначе говоря, вопросы типа «есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе» могут быть предметом нескончаемых споров, но это никак не отменяет «объективности» самого Марса. А что мы понимаем под бытием, результирующим из сознания, с трудом поддающегося определению «коллективного субъекта»? Когнитивные структуры? Мысленные конструкты воплощаются, таким образом, в мысленные же конструкты?

Чтобы уйти от утомительной игры в слова, позволю себе сформулировать свое основное методологическое недоумение. Можно сомневаться в марксистском определении бытия и ставить вопрос о его метафизичности. Но в границах марксистской формулы сознание вытекает из реальности общества непротиворечиво. А это, в свою очередь, также непротиворечиво определяет и задачи субъекта исследовательского процесса: ухватить и описать эту реальность. Применительно к области истории экономической мысли это означает объяснить устойчивость и воспроизводимость определенных «когнитивных структур» определенными интересами определенной социальной группы в определенную эпоху, границы которой заданы определенным уровнем развития «производительных сил». История мысли здесь имеет своим предметом критику всяких теорий и представлений, возникших и возникающих в классовых обществах. Наивно? Возможно. Логично? Да.

Позитивизм, как его ни определять, исходит из того, что логика познания следует логике развития реального мира, отражает и отображает эту логику. Это фиксирует и задачу субъекта познания: неустанно и логично расширять познания об объекте, «знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы действовать». История мысли здесь становится избыточной, имеющей смысл разве что в качестве иллюстрации преодоленных ступеней на пути мысли к наивысшей достигнутой на данный момент ступени. Вся «нужная» история непротиворечиво отражена в сознании субъекта исследовательской деятельности. Наивно? До степени гордыни. Логично? Да.

Но что же можно сказать в отношении формулы «сознание определяет бытие (=когнитивные структуры)»? Применительно к истории мысли она, конечно, лишена заносчивой веры в возможность объективной «классовой» критики при условии нахождения критика на позициях передового класса. Такой классовый фанатизм она заменяет более здравым, можно сказать циничным, пониманием научного мышления как продукта жизнедеятельности профессионального сообщества мыслителей – если и не республики, то коаливинга ученых. Уходит она и от фанатичного же прогрессизма позитивистов, уравнивающих «современность» с наивысшей ступенью развития и отсюда выводящих правильность своих воззрений.

Но здесь возникает и основная проблема заявленного подхода, которая в области интеллектуальной истории высвечивается наиболее ярко. Ведь именно в этой предметной области объекты исследования включают как сами идеи, так и их носителей. Тем самым стандартным для этой области является предположение (настолько значимое, что явно оно, как правило, и не оговаривается как самоочевидное): о возможности отделения субъекта, анализирующего идеи, не только от мира идей, но и от их носителей – субъектов, их породивших. «Мыслящий тростник» возвышается над тростниковыми зарослями.

Сколь бы наивно или примитивно ни выглядели позитивистский и марксистский подходы, в них встроена сама возможность отделения субъектов познания идей от познаваемых, производящих и распространяющих идеи субъектов: на базе ли возвышения до «объективной» классовой позиции, на базе ли владения «объективным» знанием. Постановка же в фокус исследования когнитивных структур как инструментов не только отображения, но и производства реальности – производства идей посредством идей – переносит в этот кругооборот самого исследователя. Как может он (и мы вслед за ним) отделить собственный дискурс от дискурса исследуемого? Если в исследуемой области производство идей производит реальность (когнитивную структуру), которая, воспроизводя идеи, производит тем самым и ученых (втягиваемых социальными практиками в эту структуру), то что тогда производит говорящий об этом исследователь? Рассказывание историй? Это

само по себе может быть бесполезно или же во всяком случае любопытно. Но о чем будут эти истории: о других или о себе? Не перетекает ли рассказ о когнитивных структурах в сказ акына, который что видит, о том и поет, тем и интересен?

Простой пример: Конституция СССР 1977 г. Она (равно как и предшествующие ей) не один раз возникает в тексте как средоточие когнитивного бессилия советского академического истеблишмента, заложившего бомбу с часовым механизмом в фундамент советской системы. Какую ретроспективную рекомендацию можно вывести из этого? Меняйте свою конституцию и тем будете спасены?

Однако Советский Союз «был» (Ореховский, 2022, р. 25, прим. 25). В книге весьма ярко и интересно описываются проблемы, связанные с описанием этого факта в прошлом и настоящем. Тем не менее с этим фактом связан и другой, непосредственно имеющий значение для рассматриваемой книги. Вместе с Советским Союзом существовали и советские экономисты. Их слова и тексты формировали советскую политэкономия. Она воздействовала на экономическую политику. Последняя воздействовала на ход истории. И на 1950-е гг. приходится начало «когнитивного цикла» советской экономической науки (Ореховский, 2022, р. 32). Не следуя всему ходу рассуждений, обозначим в связи с этим одно значимое для истории советской экономической науки положение. Советская экономическая наука, что бы ни говорили затем ее адепты, вышла из «сталинской шинели».

В связи с этим вполне убедительно далее показывается и то, что последующее навешивание ярлыка сталинистов было речевой игрой, не имеющей содержательного смысла. Отталкиваясь от этого, в книге предлагается иное рабочее подразделение советских экономистов: на романтиков и прагматиков (Ореховский, 2022, pp. 39–40). В частности, сталинский учебник 1954 г. рассматривается как прагматичная конструкция, открывавшая возможность для трансформации советской системы в индустриальное общество, что ассоциируется с тем путем, по которому развитие Китая пошло с конца 1970-х гг. Для СССР же этот путь был закрыт XX съездом и всплеском связанного с этим романтизма. В книге справедливо отмечается, что это «смелая и спорная гипотеза» (Ореховский, 2022, р. 41). Тем не менее она заслуживает рассмотрения хотя бы в виде постановки – как противоядие от устоявшегося нарратива романтиков-рыночников с их интерпретацией «китайского пути». При этом романтизм связывается не только с политическими идеалами шестидесятников (как раз о них почти не говорится), но и с применяемой методологией. Так, в работе указывается на влияние Э. В. Ильенкова (Ильенков, 1960, 1984, 1991), «гегельянца и архиромантика» (Ореховский, 2022, р. 48) на концепцию Н. А. Цаголова и школы МГУ (Цаголов, 1963). Напротив, Я. А. Кронрод рассматривается в качестве прагматика (Ореховский, 2022, р. 52; Пуцаев, 2018).

Если попытаться провести разделительную линию между двумя выделенными лагерями позднесоветских экономистов, то романтики исходили из того, что советское общество в актуальном виде не соответствовало идеалу коммунизма и потому, оставаясь в рамках официальной терминологии, обозначали пути разрыва реальности и идеала, а также контуры желательных изменений. Напротив, прагматики фиксировали на языке официальной терминологии актуальное состояние общества как социалистическое и, соответственно, пытались перенести категории марксизма на реальность советской экономики.

С этим весьма оригинальным с точки зрения истории науки разделением можно было бы поспорить, но оно остается не вполне развитым в работе. Равным образом, неясно и то, было ли возникновение данного деления поколенческим или же когнитивным сдвигом. Возможно, причиной тому стало то, что, как неоднократно отмечается в тексте, различия между советскими школами экономической мысли были в оттенках, а не в сути. А это в свою очередь неявно позволяет постулировать наличие единой когнитивной структуры, а не противоборствующих когнитивных структур (хотя в тексте иногда говорится именно о когнитивных структурах, и это вновь ставит вопрос о социальной сущности этого понятия).

В книге намечено, но в еще меньшей степени проработано на историческом материале, и другое деление: по линии «номинализм – реализм». Рассмотреть это деление хотелось бы гораздо подробнее, чем это дают возможность сделать разбросанные по тексту замечания и комментарии. Однако оно позволяет выделить примечательную особенность говорения советских (и постсоветских) экономистов: склонность натягивать описание любой кажущейся подходящей «реальности» на каркас желаний и убеждений. Это породило и порождает некритическое использование таких концептов, как «китайский путь», «шведский социализм», «НЭП», «сталинизм», «нормальная рыночная экономика» и пр.

Таким образом, в развале советского общества оказывается повинен тот симулякр (порождение когнитивной структуры?), который, выставляя его как уже построенный социализм, лишенный фундаментальных противоречий с точки зрения системы собственности и управления, конструировал то общество посредством понятий, перенесенных на него механически из «Капитала». С другой стороны, попытка обозначить сохранение противоречий в советском обществе соотносится в работе с гегельянством и романтизмом, который, однако, тоже ограждал симулякр от столкновения с реальностью (с правильными понятиями?).

Постановка в качестве объекта исследования когнитивной структуры размывает его предмет, точнее, лишает предметности содержание подходов и дискуссий советских экономистов. Относясь всерьез к словам советских экономистов (точнее, к господствующему среди них дискурсу), книга будто бы призывает не относиться всерьез к их мыслям. Тогда как история экономической мысли в качестве особой научной дисциплины предполагает, что фиксация мыслей отдельных людей в слова не просто позволяет современникам и потомкам оценивать их по линии «свой – чужой» (тема вечного конфликта мейнстрима и аутсайдеров рефреном проходит через всю книгу), но позволяет исследователям соотносить эти слова (тексты) со словами предшественников, современников, потомков, выстраивая таким образом генеалогию идей, оценивая их изменения во времени. Советские политэкономы имели четко обособленное предметное поле, не сводимое (для людей уровня Кронрода и Цаголова) к избитым словам о методе Маркса и цитатам с первых страниц «Капитала». Рождение и короткая жизнь советской политэкономии как раз были попыткой эмансипации от «Капитала», создания науки для анализа общества, которое было, и было при этом явно отличным от того, что существовало до 1917 г. и тех, что существовали за железным занавесом.

Деятельность советских экономистов сводится в книге к говорению (для тех, кто не маргинализировался) в рамках некоей когнитивной структуры. Ее застой предопределил и застой советской экономики (Ореховский, 2022, р. 75). Авторам есть что сказать об особенностях, проблемах и попытках реформирования советской экономики, а читателям есть что об этом почитать на страницах книги. Но и здесь ключевая мысль заключается в том, что адекватно передать проблемы – и даже осознать их – не удавалось именно в силу господствовавшего среди экономистов языка. В конечном итоге при оценке реформ 1965 и 1979 гг. выдвигается положение о том, что советский и западный экономический мейнстрим, если отвлечься от используемой терминологии, были не так уж далеки друг от друга, в частности, в установлении связи между конечным результатом на руках предприятий (фонды в СССР, прибыль после налогообложения в «нормальных» экономиках) с экономическим ростом («эффективностью»). На когнитивном уровне это обосновывается наличием в двух мирах схожих представлений о модели человека.

Представленный калейдоскоп (а в этой рецензии затронуть удалось далеко не все представленные элементы – большого внимания, например, заслуживает историография вопроса о причинах краха СССР) начинает собираться лишь при прочтении заключения. Авторское видение представляется примерно таким.

Советская экономическая наука так и не смогла избавиться от оков «Капитала»: для описания советской, явно не капиталистической хозяйственной системы применялись понятия, являвшиеся отрицанием (унаследованное «кокетничанье» подражанием Гегелю?) понятий, применяемых Марксом для анализа и критики капиталистического способа производства. Это изначально закрывало возможности для адекватного понимания и описания реальных экономических явлений и процессов, формируя герметичный мир (когнитивную структуру?), воспроизводящий себя посредством производства советских экономистов в рамках институализированной профессиональной среды. Фундаментальным изменением в этой среде стал поколенческий (когнитивный?) сдвиг от романтиков к прагматикам. Для романтиков оторванная от реальности структура была средством рывка в будущее, и в этом смысле понятийный разрыв с окружающим миром можно было считать неизбежностью или даже достоинством. С угасанием фантазий о «комиссарах в пыльных шлемах» и технологического оптимизма рубежа 1950–1960-х гг. прагматики вытеснили романтиков. Негодный понятийный аппарат из средства для отрицания старого мира и конструирования нового стал средством легитимации имеющегося. Знаковой фигурой стал серый преподаватель скучной политэкономии социализма. Но верхушка, элита советской экономической науки, борясь внутри себя за право выступать спичрайтерами для политической элиты, продолжала формировать смыслы, закрепляя «слепые пятна» и препятствуя переустройству советского общества на правильных началах. «Слепые пятна» – зазоры между применяемыми понятиями и несоответствующей им реальностью – скрывали потенциальные линии разлома советской системы, прежде всего в области прав собственности и управления. Эти линии в полной мере проявились после 1985 г. Правильные же начала

вполне традиционно для перестроечной экономической мысли ассоциируются с «китайским путем». Другое дело, что книга выходит за рамки расхожих деклараций, сводящихся к тому, что Дэн Сяопин стал китайским Бухариным-который-смог. В ней предлагается более реалистичный взгляд на условия и контекст как китайских, так и советских реформ, указывается, в частности, на роль «фактического экономического союза», заключенного в конце 1970-х гг. между КНР и США, в успехе китайских преобразований. Тем не менее «косыгинская» реформа 1965 г. и здесь выступает переломным моментом – хотя фокус на когнитивный контекст и вербальное сопровождение реформы позволяет представить более нюансированный подход по сравнению с декларациями об очередном «упущенном шансе» или «точке невозврата». Именно сложившаяся к тому времени когнитивная структура, что бы под ней ни понималось, рассматривается как причина, по которой потенциальный переход на «китайский путь» не состоялся (правда, не вполне понятно, как переход к более гибкому ценообразованию и возможности свободной продажи сверхплановой продукции советских предприятий способствовал бы интеграции всей экономики в мировой рынок как приемщика выводимых из индустриально развитых стран производств). Она же, эта структура, воплотилась в самоубийственной политике советского руководства после 1985 г. Одно из порожденных ею «слепых пятен» стирало из рассмотрения фигуру «экономического агента», его мотивов и интересов, приводя к убежденности в том, что неэффективный администратор госпредприятия может с легкостью быть превращен в его эффективного арендатора/собственника. Подкрепляясь опытом и идеями «коллег и партнеров» по соцлагерю, это усиливало веру в то, что децентрализация («слом командно-административной системы») каким-то образом приведет к росту производительности (невозможному в действительности без соответствующих сдвигов в инвестиционном процессе). В довершение всего фантом общенародной собственности затуманивал реальную структуру прав и интересов по всей иерархии управленческой системы.

Как же надо было? И как надо сейчас? Эти вопросы постоянно возникают в ходе прочтения книги. Чувствуется, что авторам и редактору было что сказать об этом. Но фигуры умолчания также важны для экономического дискурса, как и фигуры речи. Тем интереснее поразмышлять над книгой, которая, безусловно, может быть рекомендована к прочтению всем интересующимся данной проблематикой.

Список литературы

- Ильенков, Э. В. (1960). *Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса*. Москва: Изд-во Академии наук.
- Ильенков, Э. В. (1984). *Диалектическая логика. Очерки истории и теории*. Москва: Политиздат.
- Ильенков, Э. В. (1991). *Философия и культура*. Москва: Политиздат.
- Ореховский, П. (2022). *Когнитивные структуры и политэкономика социализма в СССР*: коллективная монография. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Пуцаев, Ю. В. (2018). *Философия советского времени: М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения)*. Москва: ИНИОН РАН.
- Цаголов, Н. А. (1963). *Курс политической экономии* (В 2 т.). Москва: Экономиздат.
- Kuhn, T. S. (1962). *The structure of scientific revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kuhn, T. S. (1970). Logic of discovery or psychology of research? In I. Lakatos, A. Musgrave (Eds.). *Criticism and the Growth of Knowledge* (Vol. 4, pp. 2–23). London: Cambridge University Press.
- Lakatos, I. (2014). Falsification and the methodology of scientific research programmes. In *Philosophy, Science, and History* (pp. 89–94). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203802458-7>
- Lakatos, I., & Feyerabend, P. (1999). *For and against method: including Lakatos's lectures on scientific method and the Lakatos – Feyerabend correspondence*. Chicago: University of Chicago Press.
- McCloskey, D. (2001). The genealogy of postmodernism: An economist's guide. In *Post-modernism, economics and knowledge* (pp. 118–144). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203410707-11>
- McCloskey, D. N. (1983). The rhetoric of economics. *Journal of economic literature*, 21(2), 481–517.

References

- Ilyenkov, E. V. (1991). *Philosophy and culture*. Moscow: Politizdat.
- Ilyenkov, E. V. (1960). *Dialectics of the abstract and the concrete in Marx's "Capital"*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk.
- Ilyenkov, E. V. (1984). *Dialectic logic. Essays on the history and theory*. Moscow: Politizdat.

Kuhn, T. S. (1962). *The structure of scientific revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.

Kuhn, T. S. (1970). Logic of discovery or psychology of research? In I. Lakatos, A. Musgrave (Eds.). *Criticism and the Growth of Knowledge* (Vol. 4, pp. 2–23). London: Cambridge University Press.

Lakatos, I. (2014). Falsification and the methodology of scientific research programmes. In *Philosophy, Science, and History* (pp. 89–94). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203802458-7>

Lakatos, I., & Feyerabend, P. (1999). *For and against method: including Lakatos's lectures on scientific method and the Lakatos – Feyerabend correspondence*. Chicago: University of Chicago Press.

McCloskey, D. (2001). The genealogy of postmodernism: An economist's guide. In *Post-modernism, economics and knowledge* (pp. 118–144). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203410707-11>

McCloskey, D. N. (1983). The rhetoric of economics. *Journal of economic literature*, 21(2), 481–517.

Orekhovskii, P. (2022). *Cognitive strictures and political economy of socialism in th USSR*: collective monograph. Saint Petersburg: Aleteiya.

Pushchaev, Yu. V. (2018). *Philosophy of the Soviet period: M. Mamardashvili and E. Ilyenkov (energies of repulsion and attraction)*. Moscow: INION RAN.

Tsagolov, N. A. (1963). *A course in political economy* (In 2 vol.). Moscow: Economizdat.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 11.09.2023

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 01.11.2023

Дата принятия в печать / Accepted 01.11.2023